

КОГДА ТЫ
НАРУШИТЕЛЬ
МОИ
ПРАВИЛА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АРИКА РЕТНАС

Титаны льда

Арика Ретнас

Когда ты нарушишь мои правила

«Автор»

2026

Ретнас А.

Когда ты нарушишь мои правила / А. Ретнас — «Автор»,
2026 — (Титаны льда)

«Сожги свой блокнот, Миллер. Я проиграл в ту секунду, когда коснулся тебя». В кампусе Зои Миллер считают циничной акулой. Девушкой с диктофоном, острым языком и непробиваемой броней. Она презирует спортсменов. Но ради разоблачительной статьи о темной изнанке команды и билета в карьеру мечты Зои готова шагнуть на лед к главному хищнику. Броди Каллахан — капитан «Титанов», плейбой и «золотой мальчик» с улыбкой на миллион. На льду он безупречен, но за его пределами задыхается от давления отца и страха перед драфтом НХЛ. Тренер велел ему держать дерзкую журналистку на коротком поводке. Он не ожидал, что сам захочет отдать ей поводок в руки. Они — искра и порох. Их пакт предельно прост: никакой романтики и ночевки до рассвета. Кто влюбится первым — безоговорочно проиграл. В полутьме арены правила плавятся быстрее льда. Её статья может похоронить его карьеру. Его поцелуи — уничтожить её контроль. Хоккейный роман (18+) о запретной игре, где побеждает тот, кто сдается первым.

© Ретнас А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ I. ПРАВИЛА ИГРЫ И КОНСПИРАЦИЯ	7
Глава 1. Утренний побег	8
Глава 2. Холодный душ капитана	12
Глава 3. Сделка с дьяволом	15
Глава 4. Проблема по имени Мэйси	19
Глав	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Арика Ретнас

Когда ты нарушишь мои правила

Пролог

Зои

У каждого журналиста есть золотое правило: никогда не становись частью истории, которую освещаешь.

У меня было ещё одно — куда более важное для выживания на этом чертовом кампусе: *никогда, ни при каких обстоятельствах не подпускай к себе хоккеистов*. Особенно тех, чей номер на свитере знает весь штат, а лицо регулярно мелькает в заголовках спортивных колонок рядом со словом «сенсация».

Но правила созданы для дураков. А сегодня ночью я вела себя как последняя идиотка.

Дом «Титанов» сотрясся от басов так, что стаканы с дешевым пуншем звенели на полированных стойках. Команда праздновала очередную победу, разорвавшую соперников в клочья, и воздух был буквально пропитан смесью разлитого пива, пота, дорогого парфюма и тестостерона. Где-то в дальнем углу гостиной Коул Мерсер — наш грозный нелюдимый «Жнец» — прижимал к себе Рори так бережно, словно она была сделана из хрусталя, и на его лице впервые за весь год не было привычной маски убийцы. Я искренне радовалась за лучшую подругу.

Вот только мой собственный вечер летел в пропасть с грацией подбитого «Боинга».

— Прячешься, Миллер?

Этот голос с хрипотцой и ленивой, абсолютно невыносимой уверенностью я узнала бы даже в эпицентре ядерного взрыва.

Я резко обернулась, уперев руки в бока. Броди Каллахан стоял в дверном проеме полутемной кладовой второго этажа, куда я сбежала, надеясь перевести дух от духоты и криков. Двухметровая гора чистых мускулов. Его пшенично-русые волосы были взъерошены после душа, на рассеченной скуле темнела свежая ссадина, а серая тренировочная толстовка висела на широченных плечах так свободно, будто он даже не замечал собственного масштаба.

Он держал пальцем кольцо с ключами от своего купе, раскручивая их с раздражающим металлическим звоном.

— Я не прячусь, Каллахан. Я соблюдаю гигиену. На нижнем этаже передозировка чужого эго.

Броди усмехнулся. Той самой знаменитой «улыбкой на миллион», из-за которой половина студенток университета забывала собственные имена. Его зеленые глаза в полумраке опасно блеснули.

— Звучит грубо для девушки, которая пробралась в дом без приглашения.

— Меня пригласила Рори, — отчеканила я, инстинктивно делая шаг назад, пока спина не уперлась в холодные стеллажи с запасными коробками. — И вообще, вернись к своим фанатам. Тебя там, кажется, искала половина группы поддержки.

— Они шумные. — Броди шагнул вперед. Всего один шаг — и он заполнил собой всё пространство тесной каморки. Запах морозного воздуха, геля для душа и опасности ударил в голову сильнее любого алкоголя. — А ты... ты на удивление тихая сегодня. Ни одного язвительного вопроса. Ни одного диктофона, прижатого к моему носу. Даже блокнота нет. Непривычно.

Он протянул руку и кончиками пальцев коснулся моих волос. Две шариковые ручки, скреплявшие мой небрежный пучок, тихо звякнули и упали на пол. Золотистые кудри рассыпались по плечам, и по телу мгновенно пробежала предательская дрожь.

— Руки, Каллахан, — выдохнула я, но голос предательски дрогнул.

— Или что? — он наклонился ближе. Так близко, что его горячее дыхание обожгло губы. — Напишешь разгромную статью о том, как капитан нарушил твоё личное пространство?

— Напишу, что ты переоцененный плейбой, который не умеет держать дистанцию.

— Проверь, — шепнул он прямо мне в губы, и его насмешливый тон внезапно сменился чем-то первобытным, темным и совершенно неконтролируемым. — Проверь, Зои. И напиши правду.

Его ладонь легла мне на талию, прижимая к крепкому, твердому как гранит телу, и весь мой цинизм, все мои железные принципы рассыпались в пыль за десятую долю секунды.

Я должна была оттолкнуть его. Должна была рассмеяться ему в лицо и напомнить, что такие, как он, не играют честно.

Вместо этого я вцепилась пальцами в ткань его серой толстовки и потянула на себя.

Мы оба знали правила. Мы оба знали, чем это закончится. И в ту самую ночь мы оба решили, что правила созданы лишь для того, чтобы сжечь их дотла.

ЧАСТЬ I. ПРАВИЛА ИГРЫ И КОНСПИРАЦИЯ

Глава 1. Утренний побег

Зои

У похмелья есть свой особый, ни с чем не сравнимый звук.

Это не звон и не гул, а тяжелая, вибрирующая тишина, которая медленно раскалывает черепную коробку изнутри тупым топором. Следом за звуком всегда приходят запахи: металлический привкус пересохшего рта, приторная сладость выветрившегося пунша и... кедр.

Свежий, горьковатый кедр, влажный лед, дорогой мужской гель для душа и тяжелый, обжигающий аромат чистой, разгоряченной мужской кожи.

Мои веки весили тонну. Комната вокруг плавала в туманном предрассветном сумраке — сквозь тяжелые темно-синие шторы пробивались лишь бледные, холодные полосы осеннего света, рисуя на высоком потолке геометрические тени. Воздух был морозным, спальню явно проветривали перед сном, но под слоями плотного пухового одеяла было невыносимо, жарко до испарины.

И причина этой жары лежала в десяти сантиметрах справа от меня.

Я не повернула голову — инстинкт самосохранения сработал быстрее, заставив меня замереть и превратиться в соляной столб. Медленно, почти не дыша, я скосила глаза.

Первое, во что уткнулся мой взгляд, было широкое, рельефное плечо, усыпанное золотистыми волосками, блестящими в полосе света. Гладкая, смуглая кожа, пересеченная парой белесых тонких полосок — застарелых следов от хоккейной экипировки. Чуть ниже, вдоль мощных ребер, поднималась и опускалась грудная клетка — глубоко, размеренно, гипнотически.

Человек, занимавший три четверти гигантской кровати размера «king-size», спал на животе, уткнувшись лицом в темно-серую льняную подушку. Простыня сбилась к его бедрам, бесстыдно и щедро открывая идеальную линию позвоночника, переходящую в крепкую поясницу и край подтянутых ягодиц.

Его пшенично-русые волосы были дико взлохмачены — некоторые пряди прилипли к взмокшему затылку, а одна рука, тяжелая, с выступающими венами и мозолистыми от клюшки пальцами, лежала всего в дюйме от моего бедра. На тыльной стороне его ладони темнела свежая ссадина.

Броди. Чертов. Каллахан.

Мое сердце не просто забилося — оно с разбегу врезалось в ребра, выбивая из легких весь кислород.

Боже мой. Господи. Черт возьми. Нет.

Воспоминания накрыли меня с яростью океанской волны, сбивая с ног и лишая ориентации. Тесная полутемная каморка на втором этаже. Грохот басов, пробивающийся сквозь деревянный пол. Холодная стена, в которую он вжал меня своими бедрами. Запах опасности. Его губы — требовательные, горячие, на вкус как чистый яд и запрет. То, как легко он подхватил меня за бедра, словно я ничего не весила, и как мои ногти впивались в его спину, пока он нес меня по коридору в свое крыло дома, шепча в мои губы бессвязные, хриплые, сводящие с ума глупости.

А потом — эта самая кровать. Жадность. Спешка. Звук рвущегося хлопка, тихий стон, сорвавшийся с моих губ, и его руки — везде, на каждом сантиметре моего тела, не оставляющие шанса вспомнить ни о принципах, ни о гордости, ни о том, что этот парень — ходячая катастрофа с капитанской литерой на груди.

Я зажмурилась так сильно, что перед глазами заплескали красные искры.

Ты журналистка, Зои Миллер. Ты рациональный, циничный человек, который планирует выиграть национальную стипендию и уехать из этого захолустья в высшую лигу. Ты не заводишь интрижек с золотыми мальчиками. Ты не просыпаешься в их чертовых постелях.

Но факт оставался фактом: я лежала здесь абсолютно голая, с ломотой в мышцах и горящими от поцелуев губами, пока самый популярный спортсмен университета мирно сопел рядом, заняв почти всё одеяло.

Правило номер один для выживания: беги. Немедленно. До того, как эти чертovy зеленые глаза откроются, на его лице появится победная, самодовольная усмешка, и он произнесет что-то вроде: «Понравилось, Миллер?». От одной мысли об этом мои щеки залило такой волной жара, что комната показалась раскаленной духовкой.

Я медленно, сантиметр за сантиметром, начала высвобождаться из-под пухового кокона. Каждое движение ощущалось как спецоперация по разминированию. Холодный утренний воздух коснулся обнаженной кожи, вызвав мгновенный табун мурашек. Каллахан что-то неразборчиво пробормотал во сне, его пальцы шевельнулись, сжимая край простыни, и я замерла на целых тридцать секунд, боясь даже моргнуть.

Он не проснулся. Только перевернулся на бок, подмяв подушку под щеку, открывая вид на волевою челюсть с темнеющей двухдневной щетиной.

Я бесшумно опустила ноги на пол. Темный деревянный паркет обжег босые ступни ледяным холодом, отрезвляя лучше любого кофе.

Теперь — спасательная операция под кодовым названием «Найди свои вещи».

Спальня Броди Каллахана была гимном небрежной роскоши и спортивного хаоса. Никаких плакатов на стенах, в отличие от комнат первокурсников. Дорогая мебель темного дерева, тяжелый дубовый комод, панорамное окно с видом на заиндевевший сад за домом. В углу, прислоненные к стене, стояли три запасные клюшки с белой изоляцией на крюках. На кресле высилась гора из командных толстовок, на комодѣ валялась россыпь монет, наручные часы со стальным браслетом и неизменные ключи от его машины.

А вот мои вещи... мои вещи превратились в абстрактную инсталляцию по всей площади комнаты.

Мой черный кружевной лифчик сиротливо висел на абажуре прикроватной лампы. Джинсы лежали у порога ванной, вывернутые наизнанку.

Крадучись, как вор в собственном кошмаре, я на цыпочках скользнула по холодному полу. Пол предательски скрипнул под левой пяткой. Звук в утренней тишине показался оглушительным, как выстрел стартового пистолета.

Я затаила дыхание и оглянулась через плечо.

Броди нахмурился во сне, его ресницы дрогнули, но он лишь глубже зарылся лицом в подушку, вытянув длинную мускулистую ногу. На его бедре виднелся темный синяк от шайбы — свежий трофей со вчерашнего победного матча.

Двигайся, Миллер. Быстрее.

Я сдернула лифчик с лампы, лихорадочно натягивая его через голову и едва справляясь с застежкой дрожащими пальцами. Подобрала с пола джинсы, втиснулась в узкие штанины, молясь, чтобы молния не загремела. Мой свитер валялся под кроватью — пришлось опуститься на колени, пытаясь достать его и одновременно не заглянуть под покрывало слишком глубоко, чтобы не встретиться взглядом с забытыми там спортивными трофеями капитана.

Свитер пах им. Тем самым кедром и дымом от камина. Я натянула его через голову, чувствуя, как ткань обнимает ноющие плечи.

Оставались ботинки. Мои тяжелые ботинки на шнуровке стояли у самой двери спальни.

Я подобралась к выходу, подхватила обувь в охапку и уже потянулась к бронзовой ручке двери, как мой взгляд упал на ковер возле кровати. Там, на темном ворсе, поблескивала моя любимая металлическая заколка со стразами — та самая, которую мне подарила Рори, и кото-

рой я обычно закалывала непокорные пряди, когда они выбивались из пучка. Она лежала в паре дюймов от свесившейся с кровати руки Броди.

Чтобы забрать ее, нужно было подойти вплотную. Наклониться над ним. Рискнуть всем. *К черту заколку*, — панически пронеслось в голове. — *Жизнь дороже*.

Я бесшумно нажала на ручку двери. Механизм щелкнул тихо, почти незаметно. Проскользнув в узкую щель, я прикрыла за собой дверь спальни и наконец выдохнула воздух, который держала в легких, кажется, целую вечность.

Коридор второго этажа дома «Титанов» напоминал поле боя после химической атаки.

В полумраке тянулся шлейф из разбросанных красных пластиковых стаканчиков, чьих-то брошенных кепок, конфетти и стойкого аромата пива, впитавшегося в ковролин. Из комнаты Коула в конце коридора не доносилось ни звука — там наверняка всё еще спала Рори, укрытая широким крылом своего мрачного хоккеиста. За закрытыми дверями других спален раздавался залиvistый храп кого-то из нападающих.

Сжимая ботинки в одной руке и носки в другой, я на цыпочках, крадучись вдоль плинтуса, двинулась к лестнице. Ступеньки скрипели, отзываясь болью в моем пульсирующем виске.

Гостиная на первом этаже выглядела еще живописнее: перевернутые пуфики, гирлянда, свисающая с карниза, и два защитника из второго звена, спавшие прямо на полу, укрывшись одним командным пледом на двоих. Один из них обнимал пустую коробку из-под пиццы, как плюшевого мишку.

В этот момент второй защитник — крепкий второкурсник Робинсон, растянувшийся на полу в одном командном носке, — шумно всхрапнул, приоткрыл мутный со сна глаз и уставился на меня снизу вверх:

— Эй... — прохрипел он заплетающимся языком. — Ты кто вообще такая? Привидение?

Я замерла на одной ноге, прижимая ботинки к груди, и зашипела на него: — Я твой персональный кошмар, Робинсон. Закрой пасть и спи дальше, если не хочешь попасть в мою колонку как парень, который спит в обнимку с картоном из-под пепперони.

Робинсон пьяно моргнул и снова уткнулся носом в ворс ковра: — Пепперони хотя бы не орет за ошибки в защите...

— Вот и женись на ней, — шепотом бросила я, осторожно перешагивая через его лодыжку. — И не вздумай протрезветь до полудня.

Я перешагнула через чьи-то вытянутые ноги в спортивных штанах, проскользнула мимо разгромленной барной стойки и оказалась у массивной дубовой входной двери.

Только здесь, привалившись спиной к холодному дереву, я торопливо натянула носки и влезла в ботинки, даже не пытаясь завязать шнурки — просто запихнула их внутрь. Пальцы нащупали в кармане куртки, висевшей на вешалке у входа, ключи от моей старой «Хонды» и спасительный блокнот. Все на месте. Все под контролем.

Я повернула защелку замка, открыла дверь и выскользнула наружу.

Утренний воздух кампуса ударил в лицо ледяной пощечиной. Влажный, резкий, пахнущий приближающейся зимой и прелыми листьями. Небо над крышами общежитий только начинало светлеть, окрашиваясь в пепельно-розовые тона. Ни одной живой души вокруг — только редкий ветер гонял по пустым дорожкам обрывки праздничных флажков.

Я сбежала по ступеням крыльца, чувствуя, как холодный ветер остужает пылающие щеки. Адреналин бурлил в крови, смешиваясь с остатками алкоголя и диким, необъяснимым триумфом: *я сделала это. Я сбежала. Никаких утренних неловкостей, никаких взглядов, никаких разговоров о том, «что это было».*

Добежав до своей побитой синей машины, припаркованной через две улицы от капитанского особняка, я захлопнула дверцу, заперлась изнутри и уронила лоб на руль.

Мое отражение в зеркале заднего вида выглядело пугающе: золотистые кудри торчали во все стороны, тушь слегка размазалась под нижними веками, а нижняя губа была припухшей и отчетливо алой от поцелуев. А на ключице, прямо над вырезом свитера, наливался отчетливый, темный след от чужих зубов.

— Идиотка, — вслух прошептала я в тишину салона, заводя чихающий мотор. — Какая же ты безнадежная идиотка, Миллер.

Он капитан команды. Он плейбой, который меняет девушек чаще, чем ленту на клюшках. А ты просто сделала самую большую ошибку в своей студенческой жизни.

Я резко включила печку, сжимая руль побелевшими пальцами, и вдавила педаль газа в пол, уезжая как можно дальше от дома с номером «9».

Я была абсолютно уверена, что смогу сделать вид, будто этой ночи никогда не существовало. Я искренне верила, что держу ситуацию под контролем.

Господи, как же жестоко я ошибалась.

Глава 2. Холодный душ капитана

Броди

Первое, что вернулось ко мне — это боль в правом плече. Привычная, тупая, пульсирующая после того, как в третьем периоде защитник «Северных ястребов» попытался впечатать меня в борт за чужими воротами. Парень забыл, что масса всегда побеждает наглость, и в итоге сам уехал на скамейку штрафников с сотрясением, но моим связкам от этого легче не было.

Второе — это тепло. Тягучее, ленивое, разливающееся по паху и низу живота воспоминание о том, как несколько часов назад мои пальцы сжимали тонкую девичью талию, а в темноте спальни эхом отдавались сдавленные, прерывистые всхлипы удовольствия.

Я улыбнулся в подушку, не открывая глаз.

Черт возьми, эта ночь стоила каждого синяка. Больше чем стоила. Она была как авария на полной скорости — яркая, оглушающая, сминающая к чертовой матери все тормоза. Кто бы мог подумать, что под язвительными репликами, мешковатыми свитерами и вечной красной шапкой самой невыносимой журналистки кампуса прячется такое чистое, неразбавленное пламя.

Я лениво вытянул правую руку, намереваясь сгрести миниатюрное, мягкое тело в охапку, поднять под себя и продолжить начатое в четыре утра. Моя ладонь нащупала простыню.

Пусто.

И не просто пусто — холодно. Ткань подо мной давно остыла.

Я резко распахнул глаза. Резкий утренний свет резанул по зрачкам, заставив поморщиться.

Я перевернулся на спину, оглядывая спальню. Никаких следов. Ни шороха в ванной, ни звука льющейся воды, ни брошенного на кресло шарфа. Одежда, которую я лично срывал с нее вчера ночью с таким нетерпением, будто от этого зависела моя жизнь, исчезла с пола без остатка.

Дверь спальни была приоткрыта на пару дюймов.

— Миллер? — мой голос прозвучал хрипло, растрепанно со сна.

Тишина. Только мерное гудение вентиляции и скрип половиц где-то на первом этаже.

Я сел на кровати, спустив ноги на паркет и запустив пятерню в растрепанные волосы. По вискам мягко стучало похмелье, но уязвленное самолюбие ударило по мозгам куда сильнее любого алкоголя.

Она сбежала.

Зои Миллер сбежала из моей постели на рассвете.

Я уставился на пустое место рядом с собой, чувствуя, как внутри закипает нелепая, абсурдная злость. Девушки не сбегали от Броди Каллахана. Обычно всё происходило с точностью до наоборот: это мне приходилось к десяти утра деликатно намекать на утренний лед, заказывать чертово такси, варить кофе и натягивать ту самую вежливую капитанскую улыбку, которая говорила: «Было здорово, детка, но продолжения не будет».

А эта девчонка... она испарилась, как чертов призрак. Словно я был для нее случайным промахом, грязным пятном в идеальном ежедневнике, которое нужно срочно стереть и забыть.

В грудь кольнуло что-то острое. Я опустил взгляд на подушку.

На темно-сером льне, прямо там, где еще недавно лежали ее растрепанные золотистые кудри, поблескивала металлическая заколка. Дешевые стеклянные стразы, серебристый зажим. Я протянул руку и поднял ее. Вещица была крошечной, почти невесомой на моей широкой мозолистой ладони.

Она всё еще пахла ею — мандаринами, свежей бумагой и каким-то сладковато-пряным кремом.

Я сжал заклепку в кулаке так, что металл впился в кожу, и не сдержал кривой усмешки.

Думаешь, сможешь просто захлопнуть дверь и сделать вид, что ничего не было, Миллер? Плохо же ты меня знаешь.

В дверь спальни забарабанили с такой силой, будто за ней стоял отряд спецназа с тараном.

— Каллахан, поднимай свою задницу! Десять минут, или я уеду на арену без тебя и скажу Дженкинсу, что ты сдох от сифилиса!

Голос Коула Мерсера был способен воскрешать мертвых — или окончательно их добивать. Низкий, глухой, не знающий пощады с раннего утра.

— Заткнись, Мерсер! — рывкнул я, пряча заклепку в ящик прикроватной тумбочки и натягивая серые спортивные, брошенные на спинку кровати. — Открыто!

Дверь распахнулась, и в комнату шагнул Коул. В отличие от меня, выглядел он так, будто провел ночь в санатории, а не на самой дикой пьянке семестра: свежий, в темном командном худи, с идеально уложенными темными волосами и огромной термокружкой в руках. Правда, на шее у него, прямо над воротом, виднелась крошечная царапина — Рори явно не давала ему спуска, даже когда они оставались наедине.

Коул окинул мою развороченную кровать тяжелым, сканирующим взглядом, задержался на помятых простынях, затем перевел глаза на меня. Его губы едва заметно дернулись.

— Судя по виду, тебя переехал грузовик.

— Я в полном порядке, — огрызнулся я, поднимаясь на ноги и потягиваясь. Спина отозвалась ноющей судорогой.

Коул хмыкнул, сделал глоток из кружки и прислонился плечом к дверному косяку:

— Двадцать минут назад синяя развалюха вылетела с нашей подъездной дорожки так, будто за рулем сидел каскадер, спасающийся от мафии. Глушитель этой колымаги разбудил Рори.

Я замер, делая вид, что очень занят поиском чистой футболки в комоде.

— И что?

— И то, Каллахан. Я знаю только одну машину на этом кампусе, которая звучит как умирающий трактор. Она принадлежит Зои.

Коул сделал паузу, буравя меня своим фирменным взглядом «Жнеца», от которого у нападающих соперника подгибались колени на вбрасывании.

— Ты спал с лучшей подружкой моей девушки? Серьезно?

— Мы просто... зависли после вечеринки, — соврал я, натягивая черную хлопковую футболку через голову. Ткань обожгла свежие царапины на лопатках. Черт. Она расписалась на моей спине, как на чертовом контракте.

— «Зависли»? — Коул скептически изогнул бровь. — Каллахан, ты можешь дурить первокурсниц своей улыбкой, но не меня. Миллер тебя терпеть не может. Она полгода ходит за нашей командой и вынюхивает грязь для своей газетенки. Если ты впутал ее в свое дерьмо...

— Ничего я не впутывал! — взорвался я, разворачиваясь к нему. — Она взрослая девочка, Мерсер. Это была одна ночь. Никаких драм. Никаких обязательств. Все довольны.

Коул Мерсер медленно отпил кофе из кружки и смерил меня тяжелым, немигающим взглядом «Жнеца»: — «Довольны»? — с ядовитым спокойствием переспросил он. — Каллахан, ты стоишь посреди комнаты в одних боксерах и выглядишь так, будто тебя только что бросили у алтаря в Лас-Вегасе.

— Никто меня не бросал! — огрызнулся я, сжимая в кулаке найденную футболку.

— Конечно, — хмыкнул Коул, кивнув на кровать. — Именно поэтому ты последние пять минут гипнотизируешь пустую подушку с мордой побитого лабрадора.

— Я просто не выспался, Мерсер. Отвали.

— Ну да, охотно верю, — Коул усмехнулся в бороду. — А синяя колымага сорвалась с нашей парковки со скоростью звука исключительно потому, что Миллер дико опаздывала на утреннюю мессу.

— Пошел к черту, Коул, — процедил я сквозь зубы.

— Она уехала отсюда так, будто дом заминирован, а ты стоишь посреди комнаты со взглядом брошенного щенка, — ровно констатировал Коул, абсолютно не впечатленный моей вспышкой. — Если Рори узнает, что ты обидел Зои, спать на диване будешь ты. Потому что меня она выставит из спальни за компанию.

— Никого я не обижал, — процедил я сквозь зубы, хватая полотенце. — Дай мне пять минут на душ.

— Три минуты. Дженкинс сегодня не в духе. До него дошли слухи о комиссии лиги, так что он будет гонять нас до кровавой рвоты.

Коул развернулся и пошел по коридору, но на пороге притормозил и бросил через плечо:

— И да, Каллахан. Замажь шею. У тебя там засос размером с шайбу. Будет неловко, если скауты из «Бостона» решат, что капитан перед драфтом увлекся вампирами.

Дверь за ним захлопнулась.

— Пошел ты, Мерсер, — пробормотал я в пустоту.

Я зашел в ванную, включил ледяную воду и уперся руками в края мраморной раковины, глядя в запотевающее зеркало.

Коул был прав. Слева на шее, аккуратно под челюстью, алел четкий, дерзкий след зубов. Я коснулся его подушечками пальцев. Кожу обожгло фантомным воспоминанием: ее горячее дыхание, ее пальцы, запутавшиеся в моих волосах, ее сдавленный стон: *«Не смей смеяться надо мной, Каллахан»*.

Я чертыхнулся и шагнул под ледяные струи душа.

Вода обожгла кожу, выбивая дурь из головы. Мне нужно было собраться. На носу драфт. Отец звонит каждые сорок восемь часов, напоминая, что третье место в списке проспектов — это позор для семьи Каллахан, а второе — утешительный приз для лузеров. Тренер Дженкинс ждет лидерства. Команда ждет побед. Мэйси... черт, Мэйси уже здесь, на кампусе, и мне нужно убедиться, что моя взбалмошная сестра не наломает дров в первую же неделю.

У меня не было времени думать о светловолосой фурии с диктофоном.

Это был просто секс по пьяни. Физиология. Сброс напряжения после тяжелой игры. Сегодня на утреннем раскате я выброшу ее из головы.

Я выключил воду, вытерся жестким полотенцем и вышел обратно в спальню. Мой взгляд невольно метнулся к тумбочке, где лежала ее дурацкая заколка со стразами.

«Никаких обязательств, Миллер», — мысленно повторил я, натягивая командный бомбер с нашивкой «С» на груди. — *«Ты сама это начала. Сама и расхлебывай»*.

Но глубоко внутри, там, куда не проникали ледяные струи душа и голос разума, холодное предчувствие шептало: спокойная жизнь капитана «Титанов» закончилась в ту самую секунду, когда Зои Миллер переступила порог этой спальни.

Глава 3. Сделка с дьяволом

Зои

Если ад существует, он выглядит в точности как редакция *The Campus Herald* в понедельник утром: запах дешевого пережженного кофе из капельной кофеварки, бесконечный треск механических клавиатур, заваленные черновиками столы и неоновые трубки под потолком, которые гудят на одной противной ноте, ввинчиваясь прямо в виски.

Особенно когда твои виски и без того готовы расколоться на сотню мелких осколков.

Я сидела за своим рабочим столом в самом углу опенспейса, стянув с головы фирменную красную вязаную шапку с помпоном и бросив ее поверх пожелтевшей стопки прошлогодних номеров газеты. Мои золотисто-светлые кудри, еще хранившие следы утренней паники, сырого ветра и безумной ночи, торчали во все стороны. Я привычным, отработанным до автоматизма жестом скрутила их на макушке в тугий небрежный узел, нащупала в пластиковом органайзере две шариковые ручки с черными колпачками и крест-накрест вонзила их в волосы вместо шпилек. Конструкция держалась на честном слове и моем упрямстве — впрочем, как и всё мое хрупкое душевное равновесие за последние двенадцать часов.

Воротник укороченной джинсовой куртки я натянула повыше, плотно прижав его к горлу. Зудящий след от зубов Броди на левой ключице под тонкой черной водолазкой горел так, словно капитан «Титанов» всё еще стоял за моей спиной, обжигая шею своим тяжелым, хриплым дыханием.

Выброси его из головы, Миллер. Сотри. Забудь. Это был программный сбой. Разовая ошибка системы.

Я сделала жадный глоток из картонного стаканчика. Горький, обжигающий эспрессо немного разогнал похмельный туман. В левой руке я нервно перекатывала черный прямоугольник своего диктофона, ощущая пальцами холодный ребристый пластик.

На экране смартфона в чехле со стразами высветилось входящее сообщение от Рори:

«Ты куда испарилась на рассвете? Коул сказал, что твоя колымага вылетела со двора так, будто за тобой гналась полиция. Ты жива вообще? Отзовись, я волнуюсь».

Пальцы замерли над сенсорным стеклом.

Рори знала меня лучше, чем кто-либо на этой планете. Она потеряла способность говорить год назад, но за время своей тишины научилась сканировать людей быстрее и точнее любого рентгеновского аппарата. Если я напишу хоть одно неверное слово, она сложит два и два раньше, чем Коул прикончит утренний кофе. А если Мерсер узнает правду, он первым делом вытрясет душу из своего капитана, после чего кампус станет зоной боевых действий.

Я торопливо отстучала ответ:

«Жива, всё нормально! Срочный вызов в редакцию, Маркус устроил утреннюю истерику. Вечером забегу к вам, честно-честно!»

Ложь кольнула кончики пальцев мерзким холодом. Признаться подруге, что я проснулась абсолютно голой в постели Броди Каллахана, было выше моих сил.

— Миллер! Оторви задницу от стула и зайди ко мне. Сейчас же.

Из стеклянного аквариума кабинета в конце зала раздался резкий, дребезжащий голос.

Маркус Вэн. Главный редактор *The Campus Herald*, пятикурсник с манией величия, идеальным пробором и вечно выглаженными воротничками рубашек Ralph Lauren, купленных на бездонные чеки папочки-корпоративного юриста. Маркус искренне полагал, что наша университетская газета — это восточноамериканское бюро *The Athletic*, а сам он — непризнанный гений спортивной расследовательской журналистики, временно сосланный к студентам.

Я тяжело выдохнула, спрятала диктофон в глубокий карман куртки, подхватила потрепанный блокнот с логотипом команды и поднялась. Узкие черные лосины и мягкие кроссовки позволяли двигаться абсолютно бесшумно, но Маркус поднял взгляд от экрана макбука ровно в ту секунду, когда я толкнула тяжелую стеклянную дверь.

— Закрой плотнее, — бросил он, даже не утруждая себя приветствием.

Я прикрыла дверь до щелчка, демонстративно прислонилась бедром к краю полированного деревянного стола и скрестила руки на груди. Моя лучшая защита — непробиваемый сарказм и ледяной прищур зеленых глаз — включилась автоматически.

— Надеюсь, ты оторвал меня от работы, чтобы подписать заявку на национальный грант *The Athletic*, Маркус? Дедлайн подачи портфолио в пятницу. Мне нужна твоя подпись как главного редактора и официальная характеристика.

Маркус медленно откинулся на спинку дорогого кожаного кресла, переплетя холеные пальцы в замок. На его тонких губах заиграла та самая самодовольная, маслянистая улыбка, от которой у меня внутри всё мгновенно натянулось, как тетива перед выстрелом.

— Твоя заявка, Зои. Разумеется. Я перечитал твоё портфолио сегодня утром. Прекрасные репортажи. Отточенный слог. Твое интервью с тренером женской сборной по плаванию вышло... на редкость милым.

— Выкладывай свое «но», Маркус, — отрезала я, не собираясь тратить драгоценные нервы на его словесный балет. — У меня нет времени ходить вокруг да около.

Маркус манерно поправил манжет своей накрахмаленной рубашки и скривился, глядя на меня сверху вниз:

— Знаешь, Зои, в спортивной журналистике женская эмоциональность часто мешает видеть общую картину. Тебе не хватает лоска.

Я демонстративно скрестила руки на груди и приподняла бровь:— А тебе не хватает базовых знаний о хоккее, Маркус.

— Прости, что? — нахмурился редактор, явно не ожидая отпора.

— То, что слышал, — отрезала я. — На прошлой неделе ты назвал синюю линию «той синенькой полосочкой посреди площадки», а вратарскую трапецию перепутал с фигурой из школьной геометрии. Так что давай опустим твои лекции о лоске и перейдем к делу, пока я не начала экзаменовывать тебя на знание правил проброса.

— Но этого мало, — жестко отчеканил он, подавшись вперед всем корпусом. — Для студенческой стенгазеты твои материалы безупречны. Для попадания на главную спортивную стажировку страны — пустышка. В *The Athletic* ждут прилежных девочек-хроникёров, которые аккуратно считают забитые шайбы и цитируют протокольные фразы Дженкинса. Им нужна кровь, Миллер. Им нужен нерв. Настоящий скандал.

— Моя аналитика тактики «Титанов» при игре в меньшинстве — самый читаемый спортивный материал на нашем сайте за прошлый месяц, — напомнила я, чувствуя, как внутри разгорается опасное, злое пламя.

— Плевать на тактику! — Маркус скривился, словно надкусил незрелый лимон. — Кого колышет тактика, кроме пары сотен гиков? Ты вообще слышишь, о чем говорят в кулуарах последние две недели? Слухи об инспекции из Студенческой лиги. Шепотки о том, что наши непобедимые мальчики в третьих периодах летают по льду подозрительно бодро. Что в раздевалке гуляет рецептурная фарма, а тренерский штаб аккуратно прикрывает это дерьмо, чтобы протаскать команду в Frozen Four и выгодно продать лица парней на предстоящем драфте.

Мое сердце пропустило глухой, тяжелый удар.

Перед глазами тут же вспыхнул ночной сумрак спальни Броди. Запах кедра. Его широкие ладони, сбитые костяшки пальцев, темные синяки от шайб на бедрах. Каллахан мог быть заносчивым, самовлюбленным плейбоем, который менял девушек как перчатки, но трусом или

жуликом он не был никогда. На льду он пахал как проклятый, подставляясь под удары ради каждого сантиметра площадки. Точно так же, как и Мерсер.

Мысль о том, что эти парни могут жрать запрещенные стимуляторы, вызвала внутренний протест.

— Это бессмысленные сплетни с анонимных университетских веток, Маркус, — холодно парировала я. — Банальная зависть конкурентов из Мичигана после того, как Броди раскатал их в щепки. У нас нет ни единого прямого доказательства.

— Вот именно поэтому ты их и добудешь, — Маркус выдвинул верхний ящик стола и с глухим стуком швырнул передо мной толстую белую папку с золотым тиснением университета. На титульном листе черным маркером было выведено: «*Спецпроект: Закрытый лед*».

Я нахмурилась: — Что это?

— Деканат дал добро на расширенный проект к столетию спортивной программы. Полный карт-бланш для прессы. Допуск на закрытые утренние тренировки, совместные выезды, раздевалки, клубный автобус. Ректорат ждет гляцевую жвачку о героях кампуса, которую можно продать спонсорам. А я жду от тебя бомбу, которая взорвет эту лигу к чертям собачьим.

Маркус постучал кончиком дорогой ручки по картонной обложке: — Ты пойдешь с ними до самого финала. Напишешь цикл из четырех репортажей о темной изнанке «Титанов». Деньги, драки за закрытыми дверями, вечеринки, таблетки. Ты выпотрошишь их идеальные золотые свитера наизнанку. Найдешь источник слухов о стимуляторах. Выяснишь, чем именно они накачивают себя перед решающими сиренами.

— Нет, — отрезала я, отталкиваясь ладонями от столешницы. — Я спортивный журналист, а не бульварная ищейка. Если там действительно есть нарушения, этим должна заниматься комиссия лиги и антидопинговый комитет, а не студентка с блокнотом наперевес. Я не стану рыться в чужих аптечках ради твоих кликов и дешевого хайпа.

— Вот как? — Маркус медленно изогнул бровь, и в его глазах блеснул неприкрытый, расчетливый яд. Он неторопливо пододвинул к себе другой лист бумаги — официальный бланк рекомендации для гранта *The Athletic*, где в правом верхнем углу красовалась моя фотография. — Какая принципиальность, Зои. Прямо слезы умиления наворачиваются. Вот только у меня на столе лежит еще одна заявка на этот грант. От Брайана с выпускного курса. У парня, конечно, нет твоего таланта, но зато у него нет дурацких моральных принципов. Он напишет всё, что я прикажу, и глазом не моргнет.

Воздух в кабинете словно заledenел, превратившись в колющее стекло.

— Ты шантажируешь меня? — мой голос упал почти до шепота, но в нем зазвенела такая ярость, что Маркус невольно вжался в кресло.

— Я делаю тебе деловое предложение, Миллер, — мягко, с омерзительной снисходительностью процедил он. — Ты берешь этот проект. Ты едешь с ними на выездную серию в этот четверг. Ты приносишь мне материал, который гарантированно обеспечит тебе национальную победу. Ни одно крупное спортивное издание в стране не откажет девушке, вскрывшей допинговую схему в топ-дивизионе. Либо... твое место занимает Брайан, а твое резюме отправляется в шредер прямо сейчас. Выбирай сама.

Мои пальцы сжались в кулаки с такой силой, что ногти болезненно впились в ладони. В груди всё кипело от бессильного бешенства.

Три года. Три чертовых года бессонных ночей, отчетов с матчей с температурой под сорок, снисходительных ухмылок двухметровых громил, уверенных, что блондинка ростом метр шестьдесят годится только для группы поддержки. Этот грант был моим единственным шансом выбраться отсюда, встать на ноги и доказать отцу, что спортивная журналистика — это мое призвание, а не пустая блажь.

И этот слизняк держал мое будущее мертвой хваткой.

— Кто дал согласие на доступ журналиста внутрь команды? — сквозь зубы спросила я. — Дженкинс ненавидит репортеров. Он скорее скормит меня заливочной машине, чем подпустит к своим игрокам.

Маркус торжествующе осклабился: — Ректор лично провел беседу с тренером. Дженкинс скрипел зубами, но согласился при одном жестком условии: за тобой будет неотступно закреплен один из старших игроков. Чтобы ты не совала свой нос под коньки и не мешала тренировочному процессу.

У меня внутри шевельнулось дурное, липкое предчувствие. — И кто эта нянька?

Маркус снова постучал ручкой по папке: — А ты как думаешь? Их капитан. Броди Каллахан лично вызвался присмотреть за прессой. Сказал, что с огромным удовольствием покажет нашей лучшей журналистке всё, что ее интересует. От и до.

Внутри меня будто оборвался трос скоростного лифта.

Броди. Вызвался сам.

Он знал. Каким-то непостижимым образом он уже был в курсе этой сделки, пока я в панике собирала свои шмотки по его спальне на рассвете. Это была не случайность. Это была его игра. Ответный ход плейбоя за то, что я посмела сбежать от него первой.

Я медленно протянула руку, схватила со стола белую папку и сжала ее так, что плотный картон хрустнул под пальцами. Мои зеленые глаза встретились со взглядом Маркуса — и на этот раз в них не осталось ни тени сомнения. Только чистая, холодная ярость.

— Цикл из четырех статей, — отчеканила я каждое слово. — И если там нет нарушений, Маркус, я напишу чистую правду. И ты напечатаешь ее без единой своей правки. А в пятницу утром твоё подписанное рекомендательное письмо ляжет мне на стол. Ты понял меня?

— Договорились, Миллер, — он расплылся в улыбке и протянул руку для рукопожатия.

Я демонстративно проигнорировала его жест, развернулась на пятках и толкнула стеклянную дверь с такой силой, что та жалобно зазвенела в раме.

Выйдя в душный коридор редакции, я натянула красную шапку глубже на лоб, скрывая горящие виски. Сердце колотилось в горле тяжелыми, глухими ударами.

Мне предстояло провести ближайшие недели нос к носу с человеком, который помнил каждую родинку на моем теле, чьи следы на моей коже горели огнем под одеждой, и чью карьеру я, возможно, должна была похоронить своими собственными руками.

Я крепче прижала папку к груди, чувствуя, как диктофон в кармане приятно холодит бедро.

Ну что ж, капитан Каллахан. Ты сам напросился на эту партию. Посмотрим, чьи правила сломаются первыми.

Глава 4. Проблема по имени Мэйси

Броди

Запах арены в понедельник утром невозможно спутать ни с чем во Вселенной.

Это не просто холод — это густая, вьедливая взвесь из сухого морозного озона, свежесрезанной ледовой стружки, резины от шайб и тяжелого, застарелого запаха мокрой защитной экипировки, пропитавшей шершавые деревянные стены сушилки. Когда дышишь этим с шести лет, легкие привыкают реагировать на этот воздух быстрее, чем мозг успевает сварить первую чашку кофе: пульс подскакивает до сотни, плечи непроизвольно расправляются, а в пальцах появляется знакомый голодный зуд.

Я сидел на деревянной лавке перед своим шкафчиком в углу раздевалки «Титанов». Над головой, прямо над крючками для амуниции, блестела приклеенная металлическая пластина с выгравированным именем: CALLAHAN #9. Рядом алела вышитая вручную нашивка — белая литера «С», которую тренер Дженкинс бросил мне на колени перед началом сезона со словами: *«Если облажаешься с дисциплиной, Каллахан, я лично сорву ее вместе с твоим мясом»*.

Вокруг меня кипел привычный, размеренный утренний ад.

Мэтт Донован — наш двухметровый непробиваемый голкипер — сидел на соседней скамейке в одних компрессионных шортах, методично, дюйм за дюймом, наматывал на черенок клюшки белый рифленый пластырь, не поднимая головы и не проронив за последние сорок минут ни единого слова. Для Мэтта мир делился на две категории: то, что летит в створ ворот, и всё остальное, не заслуживающее внимания. Чуть дальше по проходу Коул Мерсер молча перешнуровывал свои коньки «Вагг», затягивая воцеленные шнурки с такой нечеловеческой силой, будто пытался переломить сухожилия, а на его широкой спине играли рельефные тени от неоновых ламп под потолком.

Картер, затягивавший шнурки на соседней скамейке, повернулся к нашему вратарю:— Слышь, Донован, скажи честно: ты хоть раз в жизни улыбался? Ну, например, когда щенка увидел или когда сопернику ключицу в щепки разнесли?

Мэтт Донован даже не поднял головы, методично разглаживая слой белой ленты на черенке клюшки:— Я обязательно улыбнусь, Картер. В тот самый день, когда ты научишься не привозить контратаки два в одного в наши ворота.

— То есть никогда? — заржал защитник из второго звена с дальнего конца скамейки.

— Ты сам ответил на свой вопрос, — глухо бросил Мэтт, перекусывая ленту зубами.

— Закрой рот и мотай щитки.

Я уже натянул термобелье, серые хлопковые штаны и застегивал наколенники, когда смартфон, лежавший на скамейке рядом с рулоном черной изоленты, ожил.

Он не завибрировал весело, не издал мелодичную трель. Он зарычал.

Короткая, глухая, вибрирующая дробь на полированном дереве лавки заставила меня замереть. На черном стекле высветилось имя, от одного взгляда на которое в горле моментально встал сухой колющий ком:

АРТУР КАЛЛАХАН

Коул, сидевший напротив, даже не поднял головы, но его пальцы на шнурках на долю секунды замерли. В раздевалке все знали, кто такой Артур Каллахан. Легенда «Бостон Брюинз», трехкратный обладатель Кубка Стэнли, человек с титановыми пластинами в коленях и гранитным надгробием вместо сердца. Человек, для которого серебряная медаль сына в детском турнире в двенадцать лет означала неделю тренировок на выживание в неотопливаемом гараже.

Я сжал зубы, чувствуя, как свежая ссадина на скуле отозвалась резкой вспышкой боли. Медленно провел пальцем по экрану, поднося телефон к уху.

— Да, отец.

В трубке не было шума. Ни радио, ни музыки, ни дыхания — только кристальная, стерильная тишина его кабинета в загородном поместье в Массачусетсе.

— Твое звено вчера пропустило шайбу во втором периоде, — голос Артура звучал ровно, сухо, без малейшей эмоциональной окраски, как зачитываемый судьей смертный приговор. — Позиционная ошибка на синей линии. Ты засмотрелся на чужого центрального и оставил правый фланг открытым. Если ты повторишь этот цирк на глазах скаутов «Монреаля» через месяц, на драфте тебя скинут в третий раунд. Ты меня услышал, Броди?

Я прикрыл глаза, шумно втягивая носом ледяной воздух раздевалки. В висках тяжело застучала кровь. Мне было двадцать два года, я был капитаном команды из первого дивизиона NCAA, меня признавали лучшим ассистентом лиги, но в телефонных разговорах с отцом я каждый раз снова превращался в перепуганного десятилетнего пацана с тяжелыми щитками на худых ногах.

— Мы выиграли со счетом четыре-один, — спокойно произнес я, стараясь, чтобы ни одна связка в голосе не выдала бешенства. — Я отдал три голевые передачи.

— Меня не интересуют твои подачи со скамейки, когда защита превращается в решето, — безжалостно отрезал Артур. — Победа над второсортным колледжем ничего не стоит. Запомни это. Твой дед играл с переломом ключицы и не жаловался. Я в твоём возрасте уже подписал предварительный контракт. А ты до сих пор красуешься перед студенточками и раздаешь фанатские автографы.

Я молчал, стискивая телефон так, что пластиковый чехол затрещал под пальцами. Возражать было бессмысленно — это всё равно что пытаться остановить бульдозер голой ладонью.

— Я звоню не ради разбора твоих детских ошибок, — после паузы продолжил отец. Тон его стал ещё холоднее, приобретя отчетливый стальной оттенок. — Твоя сестра.

Мои плечи мгновенно окаменели. — Что с Мэйси?

— Эта неблагодарная девчонка забрала документы из подготовительного колледжа бизнеса в Бостоне, — Артур даже не пытался скрыть брезгливого презрения. — Собрала свои манатки, погрузила холсты в машину и вчера вечером укатила в твой университет. Она заявила матери, что зачислена на первый курс факультета изящных искусств. Живопись. Чертова мазня красками.

Я медленно выдохнул через нос.

Мэйси. Черт бы побрал твоё упрямство, мелкая. Она сделала это. Она всё-таки пошла против него открыто.

— Отец, она мечтала рисовать с детства...

— В нашей семье никто не тратит жизнь на мазню! — голос Артура впервые за весь разговор налился глухим рыком. — Фамилия Каллахан открывает двери в спорте и в большом бизнесе. Если она думает, что я стану оплачивать её причуды и богемные попойки в студенческой общаге, она глубоко заблуждается. Я заморозил её трастовый фонд. Карты заблокированы с сегодняшнего утра.

— Ты сделал что?! — я вскочил на ноги, задев плечом подвешенный шлем. Шлем глухо ударился о дерево. Несколько парней во главе с Мэттом на секунду подняли глаза, но быстро сделали вид, что поглощены экипировкой.

— Я преподал ей урок, — невозмутимо парировал отец. — Она продержится без денег ровно две недели. Попробует жить на студенческую подачку, жрать дешевую лапшу и приползет обратно на коленях, готовая учиться там, где я скажу. А твоя задача, Броди — не вмешиваться.

Артур сделал тяжелую, давящую паузу, в которой отчетливо слышался приговор: — Ты не дашь ей ни цента. Ты непустишь ее в свой дом. Ты не станешь сопливой нянькой для девчонки, которая плюнула мне в лицо. Если я узнаю, что ты оплачиваешь ее счета, Каллахан, я позабочусь о том, чтобы звонок руководству «Брюинз» навсегда закрыл для тебя драфт в оригинальной шестерке. Ты меня понял?

— Она твоя дочь, — глухо выдавил я сквозь сжатые челюсти.

— Она упрямая дура, которую нужно сломать, пока она не сломала себе жизнь, — сухо бросил отец. — Сфокусируйся на хоккее. В четверг у вас выезд в Мичиган. Если я увижу на льду такую же вялую игру в большинстве — разговор будет другим.

Короткие гудки отбоя ударили по перепонкам, как удар шайбой в плексиглас.

Я медленно опустил руку с телефоном. Дыхание сбилось, в висках молотило, а кулаки тряслись от такой дикой, концентрированной ярости, что мне стоило колоссальных усилий не разнести экран смартфона об угол железного шкафчика.

— Что старик? — тихо спросил Коул, не поднимая глаз от шнурков.

— Как обычно, — процедил я, снова опускаясь на лавку и запуская пальцы в растрепанные волосы. — Учит жизни и угрожает переломать ноги.

— Мэйси здесь? — Мерсер знал мою семью не хуже меня самого. Мы играли в одном звене с шестнадцати лет, и он прекрасно помнил те дни, когда Артур запирали меня на арене до полуночи, заставляя бросать по пустым воротам сотни шайб подряд.

— Приехала вчера. Заселилась в общежитие искусств. Старик перекрыл ей все счета. Заблокировал кредитки. Хочет взять ее измором.

Мэтт Донован на соседней скамейке наконец оторвался от своей клюшки, медленно моргнул светлыми, не выражающими ни единой эмоции глазами и бросил глухим басом: — Девчонке восемнадцать. Общага художников — это кошмар. Там вечный притон и оргии на крыше каждые выходные. Долго она там не протянет.

— Спасибо за поддержку, Донован, ты невероятно тактичен, — огрызнулся я, потирая ноющую переносицу.

Мэтт был прав. До чертиков, до тошноты прав. Мэйси была талантливой, яркой и совершенно неуправляемой. В ней бурлила та же безумная каллахановская кровь, что и во мне, только я с детства сливал ее в яростные силовые приемы и разбитые губы соперников на льду, а она — в бунты, кричащие цвета на холстах и дурные компании, где искала признания, которого никогда не видела дома. Если оставить ее одну на кампусе без гроша в кармане, хищники из университетских братств разорвут ее на куски за первую же неделю.

Я полез в карман тренировочных штанов, вытащил ключи от машины и набрал ее номер. Гудки шли бесконечно долго. На седьмом щелчке в трубке раздался прерывистый, запыхавшийся голос, заглушаемый фоновым грохотом инди-рока:

— Если это снова отец с лекцией о семейных ценностях, то передай ему, что я скорее продам почку, чем вернусь в Бостон!

— Мэйси, это я, — резко оборвал я ее тираду.

Музыка на заднем плане стала чуть тише. — Броди? Ты... ты уже знаешь?

— Знаю ли я, что моя младшая сестра устроила революцию и сидит на кампусе без единого доллара на еду? Да, Мэйс, до меня дошли слухи. Где ты?

— В корпусе Б, комната 314, — в ее голосе прорезалась привычная ершистая броня, за которой я безошибочно расслышал дрожь подступающей паники. — И со мной всё в порядке, ясно? Я взрослая. Я сама могу о себе позаботиться. Мне не нужны подачки от него, и тебе не нужно лезть в мои дела.

— Заткнись и сиди в комнате, — жестко приказал я. — У меня сейчас утренний раскат. Через два часа я буду у тебя. И если я увижу рядом с тобой хоть одного мутного типа — я намотаю его кишки на клюшку. Поняла меня?

— Ты тиран, Броди! Весь в папочку! — выкрикнула она и швырнула трубку.

Я замер, глядя на погасший экран. Слова сестры обожгли сильнее, чем удары отца. «*Весь в папочку*». Худшее, что можно было сказать мне в лицо.

— Каллахан! — тяжелая дверь тренерской распахнулась с грохотом, заставив вздрогнуть всю раздевалку.

На пороге стоял тренер Дженкинс. Седой, приземистый, с вечным свистком на шее и лицом человека, который только что узнал о конце света. В руках он сжимал официальную папку деканата с гербовой печатью.

— Поднимай задницу и дуй ко мне в кабинет. Живо.

Я переглянулся с Коулом. Тот лишь молча пожал плечами, натягивая игровой свитер.

Я поднялся, поправил лямки щитков и шагнул за тренером в тесную каморку, где пахло крепким кофе и мазью от растяжений. Дженкинс захлопнул дверь, обошел массивный зава- ленный бумагами стол и грузно опустился в скрипнувшее кресло.

— У меня для тебя потрясающие новости, капитан, — в голосе старика сквозил непри- крытый сарказм. — Ректорат продал нас с потрохами.

— В каком смысле? — нахмурился я.

— В прямом. Столетие спортивной программы, бла-бла-бла, открытость для студенче- ского сообщества. Деканат утвердил спецпроект для университетской газеты. Полный закры- тый доступ. Раздевалка, выездные матчи, командный автобус, закрытые тренировки по чет- вергам.

Внутри меня шевельнулось нехорошее, липкое предчувствие. — Пресса? Дженкинс, вы же сами говорили, что журналисты в раздевалке — это табу. Они будут лезть под ноги, сбивать парней с фокуса перед плей-офф...

— Ты думаешь, я в восторге от этой херни?! — рявкнул Дженкинс, хлопнув ладонью по столу так, что карандашница подпрыгнула. — Меня поставили перед фактом: либо мы пускаем репортера, либо спортивный бюджет урезают на двадцать процентов, и мы поедем на Frozen Four на чертовом рейсовом автобусе! Но я выбил условие. За этой ищейкой будет закреплен сопровождающий. Тот, кто будет следить, чтобы она не совала свой нос туда, куда не просят, и не отвлекала команду.

Дженкинс поднял на меня тяжелый, немигающий взгляд из-под кустистых седых бровей: — Ты капитан, Каллахан. Это твоя головная боль.

Я замер. Воздух в тесном кабинете словно выкачали насосом. — Кто?

Дженкинс открыл папку и зачитал с листа, поморщившись: — Зои Миллер. Журфак, четвертый курс. Острая на язык девка, вечно крутится возле скамейки. Знаешь такую?

Мое сердце пропустило удар, а затем сорвалось в бешеное, глухое пике.

Зои Миллер.

Перед глазами мгновенно вспыхнуло утреннее солнце, холодная пустая простыня рядом со мной и крошечная заколка со стразами, спрятанная в ящике моей тумбочки. Ее запах. Ее побег на рассвете. Ее горячая, сводящая с ума кожа, на которой я оставил свои следы всего несколько часов назад.

Она сбежала от меня, думая, что вычеркнула эту ночь из жизни. А судьба швырнула ее обратно мне в руки — с официальным разрешением от деканата не отходить от меня ни на шаг.

Губы сами собой расползлись в медленной, хищной капитанской усмешке. Той самой, от которой у судей на льду начинали дергаться веки.

— Знаю, тренер, — протянул я, лениво крутя на пальце кольцо с ключами от купе. — Прекрасно знаю.

Дженкинс подозрительно прищурился, глядя на мою улыбку: — Не скалься, Каллахан. Держи ее на коротком поводке. Если эта пиранья накопает хоть грамм грязи перед драфтом — я лично спущу с тебя шкуру.

— Не беспокойтесь, тренер, — я шагнул к двери, чувствуя, как в крови закипает чистый, концентрированный адреналин, смывая и похмелье, и тяжесть отцовского звонка. — Я прослежу за ней так, что она даже вздохнуть без моего разрешения не сможет.

Я вышел из тренерской, бросив взгляд на часы на стене.

Через сорок минут начиналась открытая часть утренней тренировки. А значит, Зои Миллер скоро появится у ледового борта — в своей дурацкой красной шапке, с диктофоном наперевес и святой уверенностью в том, что она контролирует эту игру.

Она думала, что сбежала. Она забыла, что на этом льду правила устанавливаю я.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.